

корпорация
российский
учебник
rosuchebnik.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ПРИБОРОСТРОИТЕЛЕЙ
И СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ И
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ ВЕЛИКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

100 СУДЕБ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В XX ВЕКЕ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

МОСКВА

2018

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ПРИБОРОСТРОИТЕЛЕЙ
И СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ И
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Книга выходит при организационной и финансовой поддержке Международного союза приборостроителей и специалистов по информационным и телекоммуникационным технологиям.

Рецензенты

- Л. П. Муромцева* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории общественных движений и политических партий России исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
А. И. Ушаков — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Королевского филиала Международного юридического института (г. Королев)

Автор идеи, художник и составитель — *Л. В. Козлов*
Научный редактор и составитель — *Р. Г. Гагкуев*
Координатор проекта — *М. С. Леднева*

Р89 **Русское** зарубежье. Великие соотечественники : 100 судеб русской эмиграции в XX веке. — Москва : Яуза-каталог, 2018. — 664 с. : ил.

ISBN 978-5-906716-60-6

100 выдающихся деятелей русского зарубежья в уникальном историко-художественном альбоме-энциклопедии с оригинальными иллюстрациями Леонида Козлова. Иван Бунин и Сергей Рахманинов, Марк Шагал и Матильда Кшесинская, Илья Мечников, Николай Бердяев, Андрей Тарковский... Увлекательная и многоплановая палитра жизни эмигрантов, в силу разных обстоятельств оказавшихся за границей. Видные политики, известные писатели, художники, композиторы, деятели науки и культуры — те, чьи имена определяли значение и — в том числе — признание нашей страны в мировом историческом контексте. Яркие биографические очерки дополнены редкими фотографиями и отзывами современников.

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)-8

С благодарностью за эту
художественную память о
русской эмиграции

И. Струв

Москва 13. XII. 2011

И. А. Струве (1931–2016),
издатель, публицист,
деятель русской культуры

Вступительное слово С. Е. Нарышкина к альбому «Русское зарубежье. Великие соотечественники»

Уважаемые читатели!
100 лет назад трагедия Великой российской революции породила уникальное состояние двойственности русской культуры. Долгие годы длилось сосуществование ее советского и эмигрантского течений, черпавших силы из одной национальной традиции.

Парадоксальным образом это лишь способствовало росту международного интеллектуального влияния нашей страны. Михаил Шолохов и Иван Бунин, Сергей Королев и Игорь Сикорский, Александр Дейнека и Василий Кандинский... Каждый из них воплощал в своем творчестве собственные идеалы, и каждый при этом обрел мировое признание.

«Мы не в изгнании — мы в послании», — провозгласили эмигранты первой волны. И это послание, к великому счастью, нашло своего адресата. Возвращение культуры русского зарубежья, произошедшее

уже в нашей, современной России, произвело эффект, сравнимый с открытием нового континента. Даже сегодня, спустя два десятилетия, осмысление этого колоссального наследия еще далеко от своего завершения.

Альбом «Русское зарубежье» претендует на то, чтобы стать важным шагом на этом пути. На его страницах — отражение судеб наших выдающихся соотечественников, оказавшихся невольными эмигрантами своей Родины.

Убежден, что это издание станет заметным культурным событием в год 100-летнего юбилея Великой российской революции и окажется полезным как для профессионалов, так и для всех любителей отечественной истории.

С. Е. Нарышкин,
председатель Российского
исторического общества

Обращение Никиты Михалкова к читателю

История русского зарубежья, несмотря на то что в последние десятилетия мы много узнали о нем, по-прежнему остается для нас загадкой. Как удалось тысячам людей, покинувших Родину после страшной братоубийственной войны, создать культурный феномен такого масштаба и значения?

Революция и Гражданская война, как и любые катаклизмы, — это всегда большая трагедия для народа. У каждого из героев этой книги была своя война, своя революция и своя трагедия. В судьбах тех людей, о которых рассказывается в этом альбоме, как в капле росы, отражаются потрясения начала XX века — мир войны, революции и тех гражданских катаклизмов, в которых находилась сто лет назад наша страна.

Каждый человек делает в жизни свой выбор: сказать или промолчать, погибнуть или выжить, двигаться или остановиться. Рано или поздно каждому человеку приходится делать такой выбор. Люди, о которых пойдет речь в этой книге, сделали свой выбор именно таким, каким они его сделали. Оказавшись на чужби-

не, они сохранили русскую диаспору и русский менталитет. Но самый главный подвиг этих людей состоит в том, что они сумели сохранить Россию без России, Родину без Родины. Их дети, родившиеся уже в эмиграции, все равно оставались русскими людьми — те из них, кто дожил до наших дней, продолжают говорить на замечательном русском языке и всю свою жизнь каждый год поднимают один и тот же тост — за то, чтобы в следующем году обязательно вернуться на родину. Но должно было пройти 80 лет, прежде чем это реально стало возможным.

Рассказывая о русском зарубежье, нельзя списывать со счетов и того значения, которое имела для России Европа. Да, союзники по Антанте предали Белое движение. Россия вообще мало интересовала Европу сто лет назад с точки зрения партнерства. Она была значима для нее, скорее, как источник угрозы. Тем не менее Европа нашла в себе силы не поломать жизни наших эмигрантов. Она нашла в себе силы дать этим людям возможность жить той жизнью, которой они должны были жить, — сохранить ощущение Ро-

дины в самих себе. Пусть и вдалеке от новой России. Это, наверное, один из самых сильных стимулов для благодарности России по отношению к Европе, Америке, да и вообще ко всему миру. Благодарности за то, что они приняли в свою семью, в свою жизнь, в свои страны, на свою землю этих русских людей, вынужденных покинуть Россию.

Тема русского зарубежья глубоко личная для меня. Еще в 2003 году мной была завершена работа над многосерийным фильмом «Русские без России». Этот фильм о том, как много потерял наш народ и наша великая страна в революции и Гражданской войне с 1917 по 1922 год. В семи самостоятельных кинолентах — «Пролог», «Диалоги с Деникиным», «Антон Деникин. Романс для генерала», «Генерал Врангель. Когда мы уйдем...», «Гибель русской эскадры», «Казачи» и «Версальские кадеты» — мы рассказали о той части российского общества, которая не по своей воле оказалась за пределами Отечества.

Коснулся я темы Белого движения и в своем фильме «Солнечный удар», самым главным выводом которого

было предупреждение нашим нынешним соотечественникам о том, что нельзя перекладывать важность решения настоящего и будущего своей страны на чужие плечи. Только мы сами обязаны решать свою судьбу, учитывая трагический опыт наших предков, иначе за нас это сделают другие.

И эти фильмы, и книга, которую вы держите в руках, являются свидетельствами сохранения русскими людьми в изгнании тех национальных идей и ценностей, с утратой которых Россия может потерять жиз-

ненную энергию и государственный потенциал. Сегодня это наглядный пример для всех нас, и в особенности для молодого поколения. Пример того, как в сложных, иногда невыносимых условиях несмотря ни на что нужно оставаться верными избранному пути, продолжать служить своей Родине и добиваться самых высоких результатов.

Н. С. Михалков,
кинорежиссер,
народный артист России

Обращение Юрия Вяземского к читателю

Выход в свет этого альбома стоит предварить словами Ивана Сергеевича Тургенева: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись».

Многие тысячи наших соотечественников в XX веке всей своей жизнью на чужбине доказали правоту этого высказывания. Когда в 1917 году в России началась революция, а с ней — обвал и крушение всей устоявшейся жизни, десятки тысяч наших сограждан вынуждены были покинуть Родину. У всех тех, кто уезжал из страны во время и по окончании «русской смуты» XX века, были свои веские причины — кто-то опасался за свою жизнь, кто-то хотел продолжать заниматься любимым делом, кому-то не хватало творческой свободы. «Великая» российская революция велика для нас сегодня вовсе не огромным позитивным значением, а величиной драмы, пережитой нашим народом.

Россия — чрезвычайно творческая страна. Мы в основном художники, именно поэтому у нас и литература великая, и музыка заме-

чательная. Русский человек очень открытый, что многим не нравилось и не нравится на Западе. Возможно, именно поэтому Европа и Америка далеко не всегда были гостеприимны к нашим соотечественникам, вынужденно покинувшим Родину. Но талант, верность избранным идеалам и трудолюбие помогали им несмотря на все трудности добиться успеха и в новой, зачастую враждебной к ним обстановке.

Перечислить вклад русских эмигрантов XX века в науку и культуру разных стран мира — задача очень не простая. Иван Шаляпин и Сергей Рахманинов, Иван Бунин и Николай Бердяев, Владимир Зворыкин и Игорь Сикорский — перечень имен русских эмигрантов можно продолжать очень и очень долго. Немалую роль в их успехах сыграло стихийное создание такой культурно-исторической общности, как русское зарубежье. Ведь русский человек не может состоять из одного голоса. В нем всегда звучит несколько голосов, которые спорят, ссорятся, мирятся... Если из нашей культуры, из нашей истории убрать эту полифонию, эту

цветущую сложность, русский человек прекратится. Будет очень хороший, очень грамотный, очень чистый, аккуратный и правильный... европейец. Но оказавшиеся вдали от Родины русские эмигранты в большинстве своем продолжали оставаться русскими, пусть и живущими на чужой земле. И именно эта «цветущая сложность» позволила русским эмигрантам создать за рубежом целый мир русского зарубежья.

Сегодня, несмотря на то, что этот мир во многом уже вошел

в наше культурное поле, мы все еще мало знаем о нем. Некоторые выдающиеся представители русского зарубежья не знакомы нам даже по именам. А между тем жизнь многих наших соотечественников на чужбине — хороший пример того, как увлеченность и вера в себя, помноженные на талант и целеустремленность, позволяют добиться успеха даже в очень сложных ситуациях.

У нас в России живет очень много умных людей, которые стремятся к знаниям и которым будет инте-

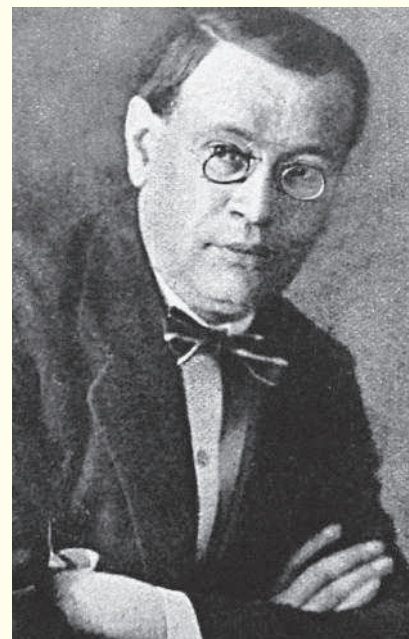
ресна эта книга. Хорошо знаю это по аудитории телеолимпиады «Умницы и умники». Уверен, что лучшей наградой авторам этой книги будет знакомство с ней молодых людей. Современному ищущему поколению крайне важно получить тот воспитательный заряд, который несут биографии многих героев этого сборника.

Ю. П. Вяземский, историк,
ведущий телеолимпиады
«Умницы и умники»

Ave — человек смеющийся!

Аркадий
Тимофеевич
Аверченко
(1881—1925)

А. Т. Аверченко. 1920-е гг.

В январе 1908 года (по другим данным, в декабре 1907 года) в Петербурге появился некий приезжий из Харькова. О своей первой встрече с этим еще «неоперившимся» господином чуть позже вспоминал писатель О. Л. Д'Ор (И. Л. Оршер): «Ко мне пришел молодой человек лет двадцати восьми — тридцати. Был он высокий, толстый, рыхлый, бритый по-актерски, в пенсне. На нем был чистенький новенький сюртук. Под сюртуком виднелся модный “штучный” жилет.

— Позвольте представиться! — сказал молодой человек шутливо. — Аркадий Аверченко.

Он улыбнулся добродушно, лукаво, ехидно, иронически, почти тельно и фамильярно. Все это как-то совмещалось воедино. В его улыбке можно было прочесть: “Я — па-

рень хороший и товарищ отменный, но пальца в рот, пожалуйста, очень прошу вас, не кладите. Против воли откушу. У меня широкая рука: когда что есть — поделюсь. Но своего не спущу. В ресторан же всегда готов...”» Так и пошло-поехало.

Начинающий юморист Аверченко (родился 15 марта 1881 года в Севастополе) устроился в доживавший свой век художественно-юмористический журнал «Стрекоза» (1875—1908). А 1 апреля 1908 года в свет вышел сигнальный номер нового «еженедельного журнала сатиры и юмора» «Сатирикон», редактором которого (с № 9) стал Аверченко. Со временем «Стрекоза» перестала существовать и полностью слилась с последним. Заслугу в этом литературоведы приписывают Аркадию Тимофеевичу, ему удалось создать по-настоящему творческий и веселый коллектив. Кто бы мог тогда подумать о том, что простой конторский служащий донецкой угольной компании войдет в историю русской литературы.

Газета «Правда» обвиняла сатириконцев в «сыготе смехе», но делала это вовсе не из зависти, как мог-

ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ

15 (27) марта 1881 г. — родился в Севастополе

1902 г. — публикация первого рассказа в журнале «Одуванчик»

1906—1907 гг. — редактирование сатирических журналов «Итоги» и «Меч»

1908—1918 гг. — работа редактором и автором журналов «Сатирикон», затем «Новый Сатирикон»

1919 г. — работа в газете «Юг» (позднее «Юг России»)

Ноябрь 1920 г. — эмиграция из России, жизнь в Константинополе, Софии, Белграде

Июнь 1922 г. — переезд в Прагу, работа в газете Prager Presse

12 марта 1925 г. — скончался в Пражской городской больнице

С улыбкой по чешской столице

В столице Чехии Аверченко пользовался заслуженной популярностью. Многие из его рассказов были переведены на чешский язык, а творческие вечера писателя пользовались немалым успехом

А. Т. Аверченко. 1912 г.

ло показаться неопытному взгляду, а основываясь на реальных событиях. Загвоздка состояла в том, что чаще всего сборы сотрудников проходили не в редакции, а в ресторанах (заведение выбиралось в зависимости от нового места часто переезжавшей редакции): «Вена», «Франция», «Пивато» и другие. За столом, во главе которого восседал «русский Марк Твен» (так вскоре критика нарекла предводителя Аркадия Аверченко), бурно спорили, хохотали, обсуждали новые темы, иллюстрации да и просто текущие события. Сам Аркадий Тимофеевич часто блистал на этих посиделках остроумием. Писатель и литературовед А. Дейч вспоминал: «Аверченко говорил как бы небрежно, цедя сквозь зубы. Хохот стоит вокруг, а автор шуточки невозмутим, и под толстыми стеклами очков чуть щурятся близорукие глаза».

Конечно, как истинному юмору Аркадию Тимофеевичу была свойственна и самоирония. Так, в «Автобиографии», начинавшей сборник 1910 года «Веселые устрицы», он раскрывал «подлинные причины» своего переезда:

«Написав за два года четыре рассказа, я решил, что поработал достаточно на пользу родной литературы, и решил основательно отдохнуть, но подкатился 1905 год и, подхватив меня, закрутил меня, как щепку.

Я стал редактировать журнал «Штык», имевший в Харькове большой успех, и совершенно забросил службу... Лихорадочно писал я, рисовал карикатуры, редактировал и корректировал и на девятом номере дорисовался до того, что генерал-губернатор Пешков оштрафовал меня на 500 рублей, мечтая, что немедленно заплачу их из карманных денег...

Я отказался по многим причинам, главные из которых были: отсутствие денег и нежелание потворствовать капризам легкомысленного администратора.

Увидев мою непоколебимость (штраф был без замены тюремным заключением), Пешков спустил цену до 100 рублей.

Я отказался.

Мы торговались, как маклаки, и я являлся к нему чуть не десять раз. Денег ему так и не удалось выжать из меня!

Тогда он, обидевшись, сказал:

— Один из нас должен уехать из Харькова!

— Ваше превосходительство! — возразил я. — Давайте предложим харьковцам: кого они выберут?

Так как в городе меня любили и даже до меня доходили смутные слухи о желании граждан увековечить мой образ постановкой памятника, то г. Пешков не захотел рисковать своей популярностью.

И я уехал, успев все-таки до отъезда выпустить три номера журнала «Меч», который был так попу-

лярен, что экземпляры его можно найти даже в Публичной библиотеке».

Если из этого повествования убрать иронию, многое здесь верно: журналы «Штык» и «Меч», наверняка и штраф. Кстати, о памятниках — они тоже были в жизни Аверченко, но отлитые не из бронзы (слишком скучно!). Куда лучше монументы бумажные. «Для памятника использовался журнал «Аргус», — вспоминал писатель и литературовед В. Б. Шкловский. — На обложке было напечатано широкое лицо Аверченко и тулья соломенной шляпы. В номер вкладывался кусочек картона в форме полей канотье. Номер сгибался, поля надевались сверху, и цилиндрический памятник, бумажный памятник Аверченко, стоял на каждом углу, у каждого газетчика».

Самый же первый рассказ новоявленного литератора «Уменьше жить» был опубликован в харьковском журнале «Одуванчик» в 1902 году. Но настоящим литературным началом стала история «Праведник», напечатанная в питерском «Журнале для всех» через два года. А уже с 1910 года «посыпались» книги: «Рассказы (юмористические)», «Зайчики на стене», «Веселые устрицы» (выдержавшие около 24 переизданий), еще через два года — «Круги по воде», «Рассказы для выздоравливающих», «Заметки провинциала и другие рассказы» и т. д.

«Когда я начинаю думать о старой, канувшей в вечность России, то меня больше всего удивляет одна вещь: до чего это была богатая, изобильная, роскошная страна, если последних три года повального, всеобщего, равного, тайного и явного грабежа — все-таки не могут истощить всех накопленных старой Россией богатств.

Только теперь начинаешь удивляться и разводиться руками:

— Да, что ж это за хозяин такой был, у которого даже после смерти его — сколько ни тащат, все растащить не могут...»

А. Т. Аверченко. «Усадьба и городская квартира»
(из сборника «Дюжина ножей в спину революции», 1920 г.)

За время жизни Аркадия Тимофеевича было издано более 40 сборников. Почти все опубликованные истории прошли через «Сатирикон». Многие из них писались на злобу дня под забавными псевдонимами: Медуза Горгона, Фома Опискин, Волк, Фальстаф, Аве. Последнее имя Аверченко чаще всего ставил под рубрикой «Почтовый ящик». Все знали, что Аркадий Тимофеевич славен своей лояльностью к талантливым молодым писателям, ведь это он поддержал начинающего Маяковского, против которого выступила большая часть редакции «Сатирикона». Поэтому рукописи «сыпались» на Аверченко горой.

наоборот, страдает из-за своей известности, он даже жене не может изменить — куда ни сунется, всюду поклонники, да и дамы не лучше, «дуры дурами» («Сухая масленица»).

Доставалось, конечно, в рассказах и фельетонах от Аверченко всем: запойным, ленивым, серым, дурным, подлым, скучным, неверным, тупым. Это «Случай с Патлецовыми», «Дружба», «Петухов» — перечислять можно до бесконечности. Приемы, которые использовал писатель, также разнообразны — от гиперболы до литоты. Отдавал он должное и пародии, и анекдоту: «Рассказ для “Лягушонка”», «По

Обложка книги «Дюжина ножей в спину революции». Париж. 1921 г.

«Самая существенная разница между свадьбой и похоронами та, что на похоронах плачут немедленно, а после свадьбы только через год. Впрочем, иногда плачут и на другой день».

А. Т. Аверченко. «Умение держать себя в обществе и на званом обеде» (из сборника «Тантеон советов молодым людям», 1924 г.)

Уж каких только виршей, посланных согражданами, ему не приходилось читать: «Посылаю я стишки... Куда конь с копытом, — например, писал некий Леонардо, — туда и рак с клешней. Не пригодятся ли?» На что Аверченко отвечал: «С благодарностью жмем вашу клешню, но стишки не подойдут». Или вот отповедь Аве Рудольфу: «Вы пишете в рассказе: она схватила ему за руку и неоднократно спросила: где ты дедал деньги? — Иностранных произведений не печатаем».

Аверченко в своих рассказах всегда высмеивал, прежде всего, человеческую глупость. Например, герой рассказа «Поэт» — назойливый посетитель, он же по совместительству служитель муз, допекает дурными стишками несчастного редактора (тут, без сомнения, в основу легли многочисленные жизненные истории), рассовывает свои вирши повсюду, даже в ботинки. А вот популярный писатель Иван Перезвонов,

велению сердца», «Неизлечимые» и пр. Иными словами, был он разносторонен и плодovit.

Однажды эту склонность к быстрому и меткому письму критики даже поставили ему в укор. Аверченко в своей манере ответил на обвинение в предисловии к книге «Зайчики на стене»: «Упрек в многописании — если в него вдуматься — упрек, не имеющий под собой никакой солидной почвы. И вот почему: я пишу только в тех случаях, когда мне весе-

А. Т. Аверченко. Петербург. 1913 г.

ло. Мне очень часто весело. Значит, я часто пишу».

В 1913 году «Сатирикон» из-за идейных разногласий раскололся, и Аверченко возглавил «Новый Сатирикон», проживший до 1918-го. За время существования журнала в том или ином виде (а это действительно